Экспедиция в буферную зону Гиссарского заповедника.

Дорогу на Ташкурган размыло, и мы ждали, когда ее отремонтируют. Май — «Дорога размыта», июнь-июль — «Ремонтируется». Наконец спрашиваем у сотрудников Гиссарского заповедника: «Вот и лето прошло?» «Да нет же, собирайтесь, едем».



Шахрисабзские переулки

Нам их не миновать, в Шахрисабзе находится дирекция заповедника. Дело к вечеру. В газик загружаются курпачи и матрасы, багаж, продукты с базара, там же размещаемся и мы. Всего нас, журналистов и экологов, восемь. Ни у кого не вызывает вопросов — выдержит ли всех «боливар». «Транспорт готов», — подтверждает Акмаль. Он — и водитель, и инспектор. Сейчас, считает, на лишние разговоры не надо отвлекаться. До горного кишлака Калтакуль добираться не один час.

На улочках Шахрисабза глаз выхватывает разные чудачества. Там стена, тут стена, а между ними кто-то из прохожих несет арбузы, а кто-то — разноцветные ведра с водой. Серый асфальт разрисован черными подтеками. Они — от пролитого водоносами. У колонки нет крана, и по арыку рывками бежит неуправляемая водица. Прозу, стержень которой — человек с ведром, нечаянно разнообразит поэзия. Выставлено напоказ белое свадебное платье. «Манекен, из какой ты оперы на пыльной дороге?» Мы оборачиваемся, чтобы лучше рассмотреть неожиданность в заднее стекло, и видим Халила. Он устроился в третьем ряду на курпачах. Это — его улица, и она его ничем не удивляет. Глядит вслед дочка Камила, соседские мальчишки на велосипедах провожают в качестве почетного эскорта. Для них отъезд — небольшое развлечение. Для участников экспедиции — начало подъема.



На подъеме мы сначала гордимся, что оказались в роли молотилки, потом терпеливо ждем, когда молотьба закончится. Путь устлан кунжутной соломой, и наша задача — по ней проехать. Кое-кто из фермеров оставляет шанс машинам протиснуться между соломой и обочиной, но так поступать не по-товарищески. Мы преодолеваем препятствие за препятствием, а некоторые на обочине даже указывают: «Дорогой, проезжай вот здесь пожалуйста». У них наготове веники, тазики, сита. Просеянное зерно ссыпают в мешки. Потом повезут на завод и там отожмут из него кунжутное масло. Ворохи соломы разной высоты мы шелушим километр за километром. Местные и в ночи стоят с вениками вдоль дороги: «Эй, дорогой!»…



Практически не замечаем, когда выезжаем на горные ухабы. Штурман Владимир Худяков, он же начальник специализированной инспекции Гиссарского заповедника, а в экспедиции — командир, ориентируется по огонькам. Дальние огоньки становятся ближе. Машина преодолевает очередной подъем и тормозит у дома Хокима — инспектора Кызылсуйского участка Гиссарского заповедника. Здешние кручи он знает назубок и потому занимает шоферское место. Акмаль забирается на курпачи рядом с Халилом. Из дворов Калтакуля то там, то тут выбивается свет, а за кишлаком — непроглядная тьма.

Когда наш новый рулевой на подъемах энергично крутит баранку, фары не успевают за колесами. Коллега с испугом утверждает, что водитель — Шумахер. Где находимся, куда мчим? Кривая трасса вывозит к ручью. Он слышен, а видны яркие звезды, которых умопомрачительно много. Падает столько, что успевай ловить. От земли и на матрасах подмораживает. Но в целом все замечательно. Падают звезды…

Зачем создан заповедник

В экспедиции мы рассчитываем узнать, как взаимодействуют заповедник и буферная зона. За неделю нам обещают показать немного того и другого. Немного, потому что Гиссарский государственный заповедник — самый крупный из девяти заповедников Узбекистана — занимает 81 тысячу гектаров.

Прежде западные отроги Гиссарского хребта Памиро-Алая считались просто горами без всякого статуса. В кишлаках, таких, как Куль, Вуары, Гилан, Ташкурган, люди жили сотни лет. В семидесятые годы прошлого века создаются в этих местах два заповедника — Кызылсуйский и Миракинский. В восьмидесятые к ним добавляют еще одну территорию, заповедное пространство становится неразрывным и получает название Гиссарского. Но местные жители из соседних кишлаков этому не очень радуются и его день рождения не отмечают. Заповедный статус означает запрет на выпас скота, запрет на охоту, рыболовство, заготовку дров, лекарственных трав и вообще на вход. Можно только по особому разрешению, которое, как правило, получают ученые, а в нашем случае — журналисты. Государственных инспекторов по охране заповедника чуть больше тридцати, и живущие в окрестностях стремятся их обойти.

Утренняя дорога до Ташкургана пролегает по землям Яккабагского лесхоза. Стада на склонах то там, то тут. Волкодав, бросив овец, в ярости кидается за машиной и разве что бампер не кусает. С ним не шути. Хоким-Шумахер жмет на газ, а разговор переключается на собак. Они на альпийских лугах сами заботятся о пропитании и как дикие хищники охотятся на красных сурков. Между тем красный сурок — излюбленная пища снежного барса. Но не будет сурка — не будет и барса. «Эта связь называется трофической», — объясняют спутники. «А если не будет барса?» «Для того и создан заповедник, чтобы он был, как и все остальное биоразнообразие Гиссарских гор».

Дорога петляет, взбираясь на перевал. На высоте 1600 метров начинаются арчевники. Поднявшись еще на тысячу, видим, что кроны арчи почти смыкаются. К десятку ям у родника кабаны приходят на водопой. А на перевале с отметкой в 2905 метров нам показывают скалы, куда приходят козероги. Каменистые осыпи, альпийские луга — это их вотчина и в буферной зоне, и в заповедной.

Повезло Кызылсуйскому участку с «буфером». Из ближайшего кишлака Ташкурган несколько лет назад население по соображениям безопасности переселили в Карши. Мы выезжаем к полю цветущих мальв. Еще несколько минут — и вот он, Ташкурган. Там, где жило пятьсот семей, осталось с десяток домов. Нам нужен кордон заповедника, рядом с ним и тормозим.

Мозаике — четвертый век

Кордон огорожен забором из скальных глыб. А сам — под шифером, но саманный. И внутри просто: в комнатушке практически все пространство занимает деревянный топчан — одно большое спальное место, на котором разбросаны курпачи. «Сколько вас тут служит?» — спрашиваем обитателей кордона. «Девять». Семьи их в кишлаках. А тут — суровый быт и минимум удобств.

Что касается работы, она состоит не только в том, чтобы «не пущать», но и предупреждать. У забора в рядок выстроились так называемые аншлаги. К театру или цирку они никакого отношения не имеют. Таблички на ножках должны оповещать, что это — граница государственного заповедника и ходить за нее нельзя. Они покрашены белой краской и на некоторых уже написан текст. Лично мне представляется трудновыполнимой задача огородить заповедник аншлагами по всему периметру. Очевидно, их устанавливают там, где утоптаны тропы и укатаны дороги.

Пока инспекторы обсуждают свои дела, журналисты могут оглядеться: за забором желтеет ничейная урючина, в отдалении стоит строение под шиферной крышей.

Это не покинутое жилище, а мечеть Алмадина. Свод поддерживают деревянные колонны, до блеска отполированные руками верующих. По-арабски и по-узбекски написано, что сооружена мечеть в 17 веке. Очевидно, из той эпохи сохранилась мозаика. Ветха и лепнина из ганча. От когда-то капитального каменного забора остался лишь фрагмент у ворот. Вероятно, крыша протекает, так как и внешние стены, и помещение в палевых разводах.

Впитав дух старины, выходишь из мечети, а перед тобой (вот неожиданность) черные крупы безмятежно пасущихся лошадей, а дальше панорама гор, точь-в-точь как в 17 веке! Склон от мечети до реки высох до пронзительной желтизны. По противоположной горе спускается сай Амира Темура, а вверх по ущелью находятся пещеры Темура с двенадцатью колодцами, сталактитами и даже озером. Здешние инспекторы вспоминают полководца так, будто их дедушки служили в его армии. «Очень серьезно готовил войско к горным переходам в Индию и Китай. Его воины жили в пещерах, размещалось больше трех тысяч». «Посмотрим?» — «Дорогу размыло».

Шестнадцать барсов и сорок тысяч кекликов

Там, где начинается заповедная территория, у Кызылдарьи нет никаких намеков на особый раскрас, хоть и называется «Кызыл». У реки разбит наш очередной бивак. Противоположный склон прорезает ниточка. «Это и есть Великий шелковый путь. Здесь ходили афганские караваны, а в ущелье их ждали разбойники и снежные барсы», — сообщают спутники.

Сейчас снежный барс — редкий исчезающий вид. Держится летом на склонах субальпийских и альпийских лугов на высоте 2500-4000 метров над уровнем моря, а зимой спускается вслед за горными козлами в пояс арчовников. Именно на Кызылсуйском участке заповедника и на соседнем Танхызском привольно снежным барсам. В семидесятые в заповеднике их было четыре особи, по последнему учету — шестнадцать.

Изучая его по международной программе, заповедник организовывал научные экспедиции. Но и в обычные весенне-осенние учеты собирается немало информации об этом звере и других крупных обитателях, растениях и изменениях в природе. К примеру, появление тюльпанов в 1995-м отмечено 15 апреля, а через десяток лет — 5 февраля. Медведь в одном случае проснулся 5 марта, в другом инспектор оставил о встрече с ним запись в дневнике несколькими днями позже. Какой он был — бурый или белокоготный? Об этом — тоже в дневник. Потом ученые заповедника заносят данные в Летопись природы. И делается это из года в год. По ним и отслеживаются изменения. Так, за десятилетие в два раза увеличилась численность медведей — их теперь больше ста двадцати, а рыси — около ста. Следы их видим у ручья.

Мы идем к пещере Мансура. Про него известно, что сознательно уединился еще до создания заповедника, жил в пещере и промышлял охотой. Его навещали родные и близкие из Ташкургана и протоптали тропу. По ней и движется наша небольшая команда. Хоким рассказывает, как однажды нашел в горах выводок волчат и принес домой. Волчица отыскала двор и в отместку передушила с десяток овец. Пару волчат из выводка он отдал за три кишлака. Но она и там «рассчиталась».

В горах не только зверь, но и погода может «рассчитаться» с человеком. Во время учетов инспекторы проходят маршруты в одиночку. За каждым закреплено по пять-девять тысяч гектаров, и пройти надо сотни километров. Пару лет назад в конце мая резко похолодало, повалил снег и выпал он толщиной сантиметров в пятнадцать. Инспекторы практически без связи. На весь Гиссарский заповедник раций — на пальцах одной руки можно пересчитать. Замерзнешь — сгинешь. Государственная страховка, которой пользуются милиционеры и ветеринары, для инспекторов заповедников не предусмотрена. Да и высокогорных доплат, районных коэффициентов тоже нет.

Есть надежды на изменение ситуации. Хоким, который в походе за главного, меняет тему, предлагая послушать, как шумит в ущелье река, как поют цикады и кричат кеклики. Их в заповеднике сорок тысяч. И одного из них он имитирует.

В красном каньоне

Форсируем речку Бум. Русло ее замечательно тем, что на русло не похоже. Сама речка к осени — просто ручей. Зато ее каменное ложе шириной с пару-тройку автострад вылизано весенними потоками.

Русло ускользает к арчовникам. Вероятно, там и находится искомая пещера, а Халил, скачущий по лугу, спешит об этом сообщить? Но он радует тем, что, миновав речку Бум, мы миновали полпути. Натягивает поводья, и становится ясно, что под ним не лошадь.

С утра пораньше мы издали наблюдали, как инспектор ловил в роще стреноженную животину, и решили, что это маленькая лошадка. Всего рабочих лошадей в заповеднике больше тридцати. Мы любовались ими, мирно пасущимися на кордоне у мечети Алмадина, потом заметили небольшой табун у разрушенной ГЭС. Инспекторам лошадей хватает. Но под Халилом — мул. Он бежит по тропе над каньоном, на дне которого — Кызылдарья. Теперь ясно, почему «кызыл»: склоны каньона красные. Чтобы попасть в пещеру, надо спуститься в каньон, но не в речкин, а в соседний, помельче. На дне его журчит вода из родника, кажущаяся кирпично-красной на красной земле.

Вокруг много арчи. На хребтах виды арчи образуют три вертикальных пояса. В нижнем распространена зерафшанская кора-арча, засухоустойчивая и теплолюбивая. Верхний, что тянется к снежным шапкам горных вершин на высоту до 3100 метров, пояс урюк-арчи, влаголюбивой и холодоустойчивой. А средний пояс — саур-арча. По данным ученых заповедника, условия произрастания как в верхнем, так и в нижнем поясе ухудшаются. Говорят, что виноват комплекс

климатических и почвенных условий. А в пещере Мансура — свои условия. Темно, холодно и неприютно. У входа наворочены каменные глыбы. Тут же оперение растерзанного улара, у основания пещеры — рысий лаз.

…Вечером на речной отмели соорудили костерок. В котелке подпрыгивает форель. Под форель мы намерены расспросить инспекторов про буферные зоны заповедников страны.

Не узаконены?

История вопроса такова. Типовое положение о государственных заповедниках, памятниках природы, ботанических садах, дендрологических парках, зоопарках, заказниках и национальных природных парках было принято в 1981 году. Предлагались буферные зоны в два километра. Положение утвердили Госплан и Госкомитет по науке и технике, но нормативами параметры не стали. В те же восьмидесятые правительство Узбекистана приняло постановление о буферных зонах: надо создавать. При этом инициатива должна исходить от местных властей, а правительству — утверждать предложения. Местные власти приступили к отводу земель. Но до утверждения дело не дошло.

В 1993 году в Узбекистане принят Закон «Об особо охраняемых природных территориях», а в 2004-м взамен него новый — «Об охраняемых территориях». Термин «буферные зоны» применяется исключительно к биосферным резерватам, которые станут создаваться в перспективе. А про охранные зоны заповедников сказано: «Размеры охранных зон и их режим, а также обременения земельных участков устанавливаются одновременно с образованием охраняемых территорий». Все девять существующих заповедников созданы еще в прошлом веке.

В статье, посвященной образованию государственных заповедников, говорится, что «действуют на основании положения о них, утверждаемого Кабинетом Министров». Но о Гиссарском заповеднике такого положения нет. Решением хокима Кашкадарьинской области охранная зона Гиссарского государственного заповедника, вроде бы, определялась. Но до сих пор нет ясности с границей самого заповедника. Она нанесена на карту, но геодезисты здесь не работали, граница к местности не привязана. В общем, есть еще вопросы.

По кайме

Спозаранку выезжаем на Миракинский участок. Девятым подсаживается заболевший пограничник. «Боливар» тянет, но с натугой. На подъеме буксует, и на Ташкурганский перевал идем пешком. С точки зрения спутников, нет ничего странного в том, что потом спускаемся в долину. Участки заповедника «привязаны» к горным кишлакам, кишлаки — к дорогам. В общем, чтобы попасть в кишлак Сувтушар, за которым начинается Миракинский участок заповедника, надо сделать «ход конем».

В долинном поселке Чоршанба мы ненадолго окунаемся в цивилизацию. Кто-то чинит обувь, кто-то затаривается продуктами в базарных рядах. Заправлять машину едем к частнику, потому что бензоколонка на замке. Пока выносят со двора канистры, стоим на мостке над каналом. Поток мчит из Гиссарского водохранилища. Детвора голяком прыгает с соседнего мостка и сплавляется по каналу с радостными воплями, а потом также голяком мчит мимо прохожих к исходной точке.

Очень скоро все это остается далеко внизу. И там же внизу мелькает меж поворотами голубая чаша водохранилища. Пылит дорога. На склонах пасутся стада. Им глаз перестал удивляться. Ульи вдоль дороги не так часты, и им глаз удивляется, хотя проскакиваем на скорости. Но пчеловоды кричат: «Тормози!» На разведку вылезает Худяков, командир. Обнимается со знакомыми. Будем знакомиться и мы.

«Сколько ульев?» — «Больше двухсот на три хозяина. А сами мы из Мираки. Приехали сюда за семьдесят километров». «Мед кормит?» — «Кормит». Пчеловоды демонстрируют медогонку и медогонщика. «При съеме меда с сот он использует технологию 21 века», — без юмора звучит в ободранной брезентовой палатке. Вокруг жужжат пчелы. Их лучше не замечать, как не замечает пастух с посохом, разглядывающий городских. По обличью он может представлять любой век из минувших. Но в нынешнем овец не счесть, они объедают склоны, и пастухи гонят стада на зелень буферов и заповедников.

Про стада в заповеднике говорит Нормурод, инспектор Миракинского участка. Он предлагает Халилу часа в четыре утра отправиться на задержание.

Но это — завтра. А пока осматриваемся. Живет инспектор участка в Сувтушаре, который все именуют Сучар. Где только ни сбегают веселые ручьи в этом горном кишлаке, и тем не менее здесь существует проблема питьевой воды. Спросила Саодат, жену Нормурода: «Сколько ведер надо в день для семьи?» — «Двадцать».

Как раз собирается по воду дочка. Две девчушки сидят через дорогу от дома у трубы, разводят руками: «Воды нет». Грунтовка огибает каньон, вырытый паводком, и тянется на гору к следующему жилому этажу кишлака. Спрашиваю: «Колонка там, где люди с ишаком стоят на горе?» Колонки в привычном понимании нет. Трубу разъяли — течет вода, соединили — она бежит дальше до дома Саодат и Нормурода. Но разъем имеется и выше, так что и там, где ишак, не везет. Идем до следующего разъема, потом с полными ведрами назад. Сколько мы прошли — с километр или больше? А девчушки у трубы все караулят. Можно их понять — тяжелые ведра.

Дровосеки

Остается преодолеть до стоянки шесть километров. Справа — поле пшеницы, слева — тоже желтые волны. Вдоль кочковатой трассы построились тополя. Тут и происходит очередное похлопывание по плечам местных жителей и инспекторов. Местные жители, как и мы, высыпали из машин на поляну. Все вместе ждем, когда пройдет встречный транспорт.

Ого, это настоящий лесовоз! Мощные стволы поднимаются над бортами и висят в пространстве. «Откуда дровишки?» — «Из леса, вестимо». Как не вспомнить классика и не поинтересоваться о разрешении на рубку.

Все, что выше Сучара, относилось к заповеднику. Но в девяностом году было принято постановление Совмина «О частичном изменении границ Гиссарского заповедника». Один совхоз получил 4000 гектаров, другой 2100. Спустя годы совхозов не стало. Земли, что впритык к заповедной, раздаются в аренду. Срок невелик, и арендаторы всеми путями стремятся заработать. Рубка здоровых деревьев — один из способов.

Дальше мы видим и самих дровосеков. Громадные стволы лежат на склоне, а арендаторы чувствуют себя их хозяевами. «Ваши?» — «Наши». За незаконную рубку им придется ответить. В случае крупного ущерба согласно Уголовному кодексу полагался бы штраф от пятидесяти до семидесяти пяти минимальных зарплат. Но тут ущерб некрупный, и применяются статьи Административного кодекса. За незаконную порубку, повреждение либо уничтожение деревьев, кустарников штраф для граждан — от одной трети до одного размера минимальной зарплаты. Если в течение года совершается второе правонарушение, то штраф — от одной до трех минимальных зарплат.

Этим порубщикам, скорее всего, придется ответить за совершение действий, нарушающих среду обитания редких животных. По этой статье штраф чуть выше — от одной второй до двух минимальных зарплат. Есть еще одна статья Административного кодекса, по которой наказывается

нарушение режима охранных (буферных) зон. Но и тут наказание небольшое — от одной трети до одной, а нарушение режима государственного заповедника для граждан — от одной до трех минимальных зарплат. При повторе — штраф от трех до пяти. Нам, журналистам, кажется, что, даже если в дополнение к штрафу будет предъявлен иск с оценкой каждого ствола, наказания никого не остановят.

Точно так и Закон «Об охраняемых территориях» не остановит изъятия земли у заповедников. В нем говорится об исключительных случаях. Но нет перечня, когда допускается изъятие участков охраняемых природных территорий для государственных и общественных нужд. Не было его и в предыдущем законе, что привело к уменьшению заповедных площадей страны более чем на три тысячи гектаров. Цель в Национальной стратегии по сохранению биоразнообразия указана иная — увеличить их с 4,6 до десяти процентов общей площади страны.

Экотуристы или паломники?

На стоянке много разных компаний. День — выходной, и среди леса дымят костры, разделываются жертвоприношения, где козлятина, где баранина. Миракинский участок заповедника начинается метрах в ста, о чем сообщает аншлаг за ручьем. А метрах в трехстах находится священная арча, помолиться у которой приехали то ли паломники, то ли экотуристы.

По идее, все они должны платить штраф за проход до арчи и еще за пару сот метров до водопада Сучар. Он виден с бивака и кажется великолепным. Мы пойдем тем же путем. Что касается людского потока, то остановить его практически невозможно. Люди говорят, что если бы аншлаг был у водопада, то никто бы дальше так и так не пошел.

В данной ситуации у представителей заповедника нет иного выхода, как от имени администрации разрешить паломникам посещение примечательных объектов, наказав, чтобы не отклонялись от

тропы ни вправо, ни влево. По статье о режиме государственных заповедников, допуск с согласия администрации разрешается. Мы, журналисты, тоже подпали под эту статью закона.

На биваке есть время порассуждать, и мы перечисляем категории лиц, для которых доступ есть. Среди них — и работники государственных органов, в ведении которых находятся заповедники. Гиссарский — в ведении Госкомприроды. Другие восемь подчинены Минсельводхозу, Госкомгеологии и Ташкентскому областному хокимияту. Работников же в этих органах о-го-го сколько. Нам кажется, что при улучшении закона калитки в заповедники страны заметно отворились, и становится тревожно, сможет ли страна выполнить свои международные обязательства по Конвенции ООН о биологическом разнообразии.

Да о чем это мы?! Где ООН, а где экспедиция. Звезд под деревьями не видно, жужжит какая-то мошка. Подает голос ручей, в который на закате мы окунулись после дня пути по буферной «кайме». Завтра снова в поход. Халил с Нормуродом, как условились, до рассвета уйдут выдворять овечьи стада с альпийских лугов. У журналистов за командира будет Саодат.

У водопада

У арчи Саодат прочла молитву. На ветвях тьма тьмущая веревочек с мечтами о женихах и невестах, о здоровье и благоденствии родных и близких, о процветании бизнеса. Интересно, есть хоть одна о сохранении биоразнообразия?

Эта проблема существует во многих странах. Об этом даже в преамбуле к конвенции ООН сказано: «Будучи озабочены тем, что биологическое разнообразие существенно сокращается в результате некоторых видов человеческой деятельности, государства несут ответственность за сохранение своего биологического разнообразия и устойчивое использование своих биологических ресурсов»… Саодат, будучи женой государственного инспектора и его полпредом, про международный документ, подписанный страной в 1995 году, не знает. «Муж работу свою делает, вот, убежал ночью в горы…»

Идем к водопаду навстречу реву и брызгам. По мокрым валунам подбираемся ближе. Поток падает десятки метров. Какая мощь! Вот и стремятся сюда и паломники, и экотуристы. Саодат жалеет и тех, и других. «Спят на земле, мерзнут, а если дождь?!» Говорит, что про нормальный отдых у нее много идей. Построить бы на стоянке небольшую гостиницу, а еще дорогу отремонтировать, чтобы в любую погоду люди приезжали. В отличие от мужа-романтика, она реалистка: «Если сейчас сохранение биоразнообразия — большая головная боль, то в перспективе оно могло бы приносить выгоду. Тут бы чуть-чуть отрезать от земли с особым статусом, а в другом месте прирезать. Такой водопад в стране, может быть, один-единственный! Тропу бы обустроили, за чистотой следили».

К вечеру из ущелья спускаются тучи, моросит, холодно. Вещи пакуются. Люди разъезжаются. А Халил и Нормурод возвращаются ни с чем. Кто-то предупредил пастухов о приезде инспекторов из Шахрисабза, и те угнали стада. «А если бы поймали?» — «В случае умышленного уничтожения или повреждения объектов заповедника с крупным ущербом предусмотрен штраф до пятидесяти минимальных зарплат, а если с очень крупным — до ста». Поймать нарушителя нереально. Опять заходит разговор об отсутствии связи: у пастухов, пасущих стада богатых хозяев, есть рации, у инспекторов — нет.

Лазурью окрашен

Эта ночевка проходит под крышей дома Саодат и Нормурода. Утром просыпаюсь первая. В комнате небогато: железная кровать, печка-буржуйка, пустые ниши для курпачей и корейский телевизор, который «ловит Москву». Над головой — лазурной раскраски потолок, заменивший нам звездное небо. Выхожу на крыльцо. Бог мой, сколько ж обуви на крылечке — детская, взрослая, одни гости, другие.

Мы тут ненадолго, отправляемся в сторону Гиланского участка. На прощание машем руками в окна машины. Бабушка Нафосат, которой восемьдесят и лицо которой как клубничка, замерла с улыбкой, девочка, погоняя ишака с хворостом, оглядывается, малышня высыпала из соседнего двора…

Хорошо бы приехать, когда будет гостиница, и созерцать жизнь, не спеша. Горожанину все интересно: как собирают в буферной зоне перечную мяту, как косят траву и мечут стога, как окучивают картошку, как незаконно рубят деревья. Может быть, перестанут рубить, если появится в кишлаке гостиничная работа? Для привлечения экотуристов возникнет необходимость беречь красоту.

Экспедиционный день опять проводим на колесах. Гиссарак запоминается рассказами о местной достопримечательности — светловолосой славянке, приехавшей откуда-то с запада с демобилизованным солдатом. «Вот она идет по дороге», — волнуются инспектора. А мы успеваем разглядеть лишь со спины платок, да обычные узбекское платье и шаровары. «Она торгует в магазине».

Нам дальше, в сторону Гилана. Скалы справа, скалы слева — они характерны для Гиланского участка заповедника. Особенность Танхызского участка — плодовые деревья, за это его облюбовали медведи. Обходим их любимую грушу, к которой приходят по ночам, и отправляемся назад.

Все ближе Гиссарское водохранилище. Его лазурь великолепна, и, безусловно, превосходит раскрашенный потолок в Сувтушаре. Но там были настоящие крыша, дом и телевизор. А экспедиции предстоит еще одна ночевка под открытым небом где-нибудь на склоне среди пижмы и перечной мяты.

Удачный аккорд

Что случилось с Машей в сказке про трех медведей, известно. Как зашла в чужой дом, съела кашу, повалялась на чужих постелях… Халил уверяет, что избушка на курьих ножках вовсе не чужая. Здесь живет его знакомый из Мираки. Сейчас знакомого нет. Мы на кроватях не валяемся, да их и нет в избушке. Но быт налажен, и огород на склоне полит. У нас все с собой, но на вытесанной земле под орешинами чувствуем себя, словно та Маша.

С дороги об этом райском уголке было не догадаться. Растения, включая пижму, в округе высохли. В ручье, стекающем меж холмов, можно искупаться. Но бивак у дороги под светом фар мало привлекателен. Худяков с Халилом ушли на разведку, а вернувшись, сказали: «Поднимайтесь по ручью до калитки…» За калиткой карабкаются на гору деревья. Кто хозяин?

В темный вечер в центре дастархана горит свеча. Над ним нависают ветви, заслоняя луну. От свечи тревожные блики на лицах. Расспрашиваем о браконьерах, погонях. А теперь, чу, кто-то идет. Сухощавая фигура выросла из тьмы, слышим сдержанное «здравствуйте» и радостное «здравствуй, Халил». «Я, — говорит пришелец, — Чоршонбиев Султан. А вы?» «Исследуем взаимодействие буферной зоны и заповедника». Чувствуем, что теперь и мы — свои.

Когда другие рубят, Чоршонбиев сажает деревья. Первый сад посадил у въезда в Мираки, сейчас орешины уже плодоносят, а когда-то пришлось вывезти тонны камня. А вот этот сад в Шоти-сае не сам сажал, но растил и вырастил яблони, груши, орешины, виноград. Третий сад будет на пустом склоне по соседству. Склон очистил от камня, из него же сделал ограду от скота. Здесь к весне зазеленеют двести фруктовых деревьев.

«Четыре года тут работаю. Никто мне не платит. Как-то приехал налоговый инспектор и спросил: «Кто тебе позволил? Плати налог». Миллион лет обжигало эту землю солнце. Никто сад не сажал. Я — чернобылец. В 1986-м сорок дней работал после аварии на атомной станции. Потом скитался по больницам, получил инвалидность, но выжил. Решил сажать сады. Миракинский хотели отнять, но показал расписки за саженцы. Сейчас за ним дети смотрят. Кому мешает?» Утром перед отъездом мы посмотрели участок под новый сад. Все так, как говорил чернобылец. Щебеночный склон, но есть очищенная площадка за каменной оградой. Тачка, лом, лопата — орудия труда. «До трех гектаров могу сад расширить. Но нужна труба для полива». Наверняка найдет трубу. А нам не по себе, ведь могут опять прийти какие-то чины и позариться на сад. Кому — плоды, кому — стволы.

На прощанье объезжаем Гиссарское водохранилище.

Уже в Ташкенте узнаем о намерении включить заповедник в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Больше шансов, что ни на гектар не похудеет и получит финансы на неотложные нужды.

Наталия ШУЛЕПИНА
«Правда Востока», 28.2 и 1,2,3.3 2006г.
Экоальманах «Просто пишем о среде» (четвертый выпуск), 2009г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Телеграме

Следите за новыми материалами, экологическими новостями и публикациями.

Перейти
На главную В рубрику

Оставить комментарий **Отменить ответ**

Читайте также

Еще статьи из Репортер.uz



Репортер.uz

Трансграничная Сырдарья. Какая она у Чиназа?

31.08.2026
320 просмотров

Журналистская задача - показать читателям в фоторепортаже Сырдарью и Чирчик. Сейчас, в конце лета 2026 года, они такие.



Репортер.uz

Чарвакское водохранилище в летний зной

06.08.2026
443 просмотров

Чарвакское водохранилище - жемчужина Угам-Чаткальского государственного национального природного парка.



Репортер.uz

Кто велел «арестовать» канал Анхор и какова цена?

24.07.2026
1208 просмотров

Вопросов много. Разве что про финансы нечего гадать. Они из городского бюджета.